

Александр Уралов
Светлана Рыжкова

ТРОН

на двоих

Александр Уралов

Трон на двоих

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Уралов А.

Трон на двоих / А. Уралов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Современная сказка для взрослых. Девочки-сёстры Ирина и Марина, придумавшие в детстве сказочное Королевство, где можно было становиться принцессами, заниматься магией, секретничать, путешествовать и дружить со сказочными персонажами, почти не заметили, как фантазия стала реальностью. Сказка, которая тесно переплелась с их судьбой и протянулась причудливой нитью через долгие годы в сегодняшние дни, во взрослые и непростые будни. Волшебные герои имеют свои воплощения в реальной жизни. Многие персонажи из придуманной страны имеют своих «близнецов» и в настоящей реальной жизни. Очаровательный господин Кот - сибарит, стилиста и хвастун, церемонимейстер королевского двора. Игорь – суровый немногословный Охотник. Рудольф Карлович, бывший партнёр Ирины – маг и казначей Рыжий Карла. Телохранитель и водитель Андрей – рыцарь Маренго. Программист Алёна и секретарь Ванечка – фея и эльф из сказочного леса. Сущности добра и зла проникают из сказки в наше время и обратно. Дружба и любовь. Фарс и трагедия. Ностальгия и романтика. Приключения и тайны. Всё перемешано, всё взаимосвязано, всё пересекается и переплетается в реальности и в ином сказочном мире. За возвращение Ирины, умершей сестры, в мир Королевства, Марине приходится платить по самому жёсткому счёту. Быть королевой - не значит быть беззаботной и счастливой даже в детстве, а уж тем более став взрослой. Это тяжкая ноша, за которую приходится дорого платить. Ещё сложнее делить Трон на двоих. Это сёстры поняли ещё в детстве. Ирина прожила с этим всю жизнь, а Марина испытала это только сейчас.

© Уралов А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	7
Глава 1. О том, как стучали колёса: «Принцесса, пора проснуться!»	7
Глава 2. О том, как Марина вернулась в дом своего детства и какая это странная штука – память	11
Глава 3. О том, за что вручают «Медали ЗА А-А-АТВАГУ!» и что произошло в подвалах Грызмага	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Уралов, Светлана Рыжкова
Трон на двоих

... я покажу тебе звёзды и пламя.

Часть 1

Глава 1. О том, как стучали колёса: «Принцесса, пора проснуться!»

– Вам надо проснуться, – сказал Кот. – Принцесса, вам пора проснуться!

«Пора проснуться! Пора проснуться!» – стучали колёса. Марина открыла глаза. В душном купе бабушка Валя неторопливо собирала свой баул, который сутки назад также обстоятельно раскурочила, вытащив невероятно количество снеди.

– Проснулись, дамочка! – сказала она. – Это правильно. Через час уже на месте будем. Внук мне сейчас позвонил, сказал, что встречать меня на вокзале собирается. Вы говорили, что где-то в моих краях живёте, да? Может, сказать Пашке, чтобы он вас тоже по пути домой забросил?

– Неплохо бы, – хриплым спросонок голосом сказала Марина. – Очень было бы здорово... если вас, конечно, не затруднит.

– Да какое там затруднение... – пробормотала бабушка Валя, недоумённо вытаскивая из баула аккуратно завернутые в полиэтиленовый пакет остатки жареного курёнка. – Вот не знаю, а вдруг этот кур уже «задумался»? Так вот съешь на свою голову... и зови попа на отходную.

– Уж лучше не рискуйте! – искренне сказала Марина, не вставая. – А где сосед наш? Этот... как его... Николай-менеджер-по-рекламе?

– В Калиновке сошёл, вы как раз заснули мёртвым сном, – ответила бабушка и решительно запихала курёнка обратно. – Собачке отдам, коли сами съесть не рискнём. Пусть порадуется. А Колька этот непутёвый, вы ему правильно от ворот поворот дали. Знаю я таких! Полчаса знакомы, а он уже комплиментами направо и налево. «Ах, Мариночка! Да что вы, Мариночка! Нет, я одинок по жизни, павши жертвою женского коварства!» – бабушка Валя хихикнула. – Он уж вас разбудить собирался. Попрощаться.

– Ну, что вы... – сказала Марина, думая о том, что вот-вот покраснеет. – Зато анекдотов много знал, весело ехать было.

– Это точно! У нас в цехе был такой, приходящий электрик, Антоном звали. Ох, мы, девки, по нему все сохли – очень уж ухватистый был. И за словом в карман не лез. Как-то раз спускают нам план по КМК-12, общее собрание созывают. Партийные вместе с беспартийными. Парторг наш, Григорий Ефимыч, – толстый был такой, с усами, всё девкам за пазуху заглянуть норовил. В цеху-то нашем, по литью пластмасс, жарко всегда было. Наденешь халат на голое тело, а к концу смены – хоть выжимай. Вот, значит... о чём это я? Ах, да! Вот наш Антошка и говорит...

Бабушка Валя продолжала собирать свой баул-мастодонт и говорила-говорила-говорила... Марина только кивала головой – поддакивала, думая о своём. Она машинально собрала постельное бельё, как велела смешливая проводница Катя, задумчиво пошарила взглядом вокруг, – не забыла ли чего, – спрятала домашние туфли в полиэтиленовый пакет и засунула его в сумку, надев сапоги. За окном проносились огни. Полная луна бежала по небу, не отставая от поезда, волшебным образом проскальзывая сквозь путаницу ветвей, проводов и ажурных опор для электросетей и прочих силовых линий и кабелей.

– ... и стоит, дура, корчит из себя невесть что! А я говорю, мол, мы таких, как ты, Антошка, пачками видали! А Ленка твоя, дурища, просто ещё сопля зелёная и ничего не понимает. Смотрю – заело его, покраснел весь... – журчала своё бабушка Валя.

В Стране Пушистиков было хорошо. Где-то недалеко раскинулось взрослое царство-государство, где правили Король-отец, – Усталый Рыцарь, – и Королева-мать... богиня Земли... с огромными рогами, между которыми тускло сиял красный диск солнца. Богиню-Мать они с Ириной нашли в одной из книг отца о Древнем Египте и были очарованы строгим видом богини и её необычными украшениями. Ирка, гордясь собой, прочитала по слогам подпись под иллюстрацией, но зато Маринка первая придумала историю о том, как Королева-Мать царствует над пирамидами, стоящими в какой-то огромной песочнице, где гуськом гуляют симпатичные маленькие верблюдики. Богиня-мать была прекрасна... и страшна в гнев...

Внук Пашка оказался вполне милым молоденьким парнишкой, дотащившим до видавшей лучшие времена «тойоты» не только баул бабушки Вали, но и сумку Марины. Она пыталась было протестовать, но Пашка, стеснительно зыркнув на неё голубыми глазами, ухватил лямки и быстро поволок дамский багаж через длинный вагон на перрон и дальше, к выходу из вокзала.

Угнездившись на заднем сиденье, Марина закрыла глаза. Мысли вернулись в русло, ставшее за последние семь месяцев привычным: «Ирка... почему ты написала это завещание? Преуспевающая бизнес-леди, которой ещё и пятидесяти не исполнилось. Почему?..»

«Грызгаг, – строгим голосом сказал Кот где-то далеко. – Королева знала, что Грызгаг жив. Поэтому она и написала завещание».

Знаете, а ведь в Стране Пушистиков скучать не приходится! В ней есть бесплатные карусели, очень много конфет-тянучек и просто целые горы мороженого – объедение! Ирка-королевишна, первоклассница наша, конечно, объявила себя правительницей войска, которое освободило пушистиков от злого шоколадного короля Грызгага и теперь занята тем, что где-то дожёвывает последнего шоколадного солдата. Не сказать, чтобы их было много, этих солдат, но сражаться с ними было совсем непросто – у них был свирепый вид и они перепачкали всё платье королевишны. «Просто ужас, что за неряха!» – говорит мама... и знаете, она абсолютно права. Наверняка, злобный шоколадный злодей, сопротивляясь, оставил следы не только на Иркиных щеках, но и на носу и даже на ушах. И будет королевишне Ирине знатная выволочка.

Но сейчас в Стране Пушистиков мир и веселье! Звучит музыка, кружится чёртово колесо и маленькие гномики, которые день и ночь готовят мороженое в своих ледяных замках, пляшут вместе с Космонавтом и Лошадкой, тайком удравших с новогодней ёлки, и теперь веселящихся на балу...

Марина поднялась из-за стола, за которым чинно пили чай Дамы и Медведь:

– Прошу меня извинить, я пойду искать глупую королевишну, – приседая в реверансе, сказала она. – Что-то её давно не видно.

– Ах, конечно, – ответила голубоглазая дама Фифа, поправляя причёску пухлыми ручками. – Ваш пер-со-наль-ный шоколад, милочка, уже закончился, но вы можете сказать королевишне, что ей пора поделиться! Нечестно лопать шоколад и не дать немного своей собственной сестре!

– Тем более, в Новый год, – пробурчал Медведь и поправил на груди мамину брошь, которая с некоторых пор была «Орденом За Храбрость Великого Прогонятеля Ужасного Паука».

– Ещё раз спасибо вам, Медведь, за то что вы прогнали злого и противного Паука! – искренне сказала принцесса Марина и отправилась на поиски старшей сестры-королевишны, которая наверняка уже сидит на коленях у кого-нибудь из гостей. Вот-вот мама и папа погонят сестёр спать, невзирая на приход Нового года... а это очень обидно, честно говоря. Самито сидят в большой комнате за столом, пьют чай и водку, смотрят телевизор и нет-нет, да

затягивают хором разные красивые песни. Ирку хлебом не корми, а дай покрасоваться перед гостями своими пышными бантами. Тут покрутятся, там песенку споёт – глядишь, и вновь начнётся нашествие шоколадных грызмаговских злодеев. Дядя Боря особенно королевешну балует.

Марина по-взрослому покачала головой, чинно поправила платье, прижала к груди Медведя, вызвавшегося её проводить, и храбро пошла по коридору туда, где взрослые уже запевали очень красивую песню:

– *Опять от меня сбежала*
Последняя э-л-е-к-т-р-и-ч-к-а!..

В коридоре было почему-то темно. Огромная дверь в ванную комнату уходила ввысь, в чёрный туман, больше похожий на дым от костра. Папин велосипед, висевший в коридоре на стене, смутно отблескивал колоссальным металлическим скелетом динозавра. Совсем, как ужасный чёрный скелет в краеведческом музее Нижнего Тагила, куда вся семья ездила давным-давно, два месяца назад, – на 7-е ноября, – к тёте Ларисе. Музейное чудовище встало на задние лапы и раззявило огромную противную пасть. Маринка заревела и даже Ирка притихла – очень уж страшным было это проклятое костлявище.

– Не пробрался бы он в Страну Пушистиков, – озабоченно пробормотала Марина. – Придется с ним воевать! Ирка-королевешна опять шоколадом объестся и заболеет. Всё на мои плечи ляжет...

Мама недавно сказала эту фразу по телефону и Марине она очень понравилась. Скажешь – и впрямь на плечах чувствуешь что-то тяжёлое... мамино. «Покормить-постирать-погладить-прибраться» – негромким эхом прозвучало где-то вдалеке. Прозвучало, робко прячась за мыслями о том, что коридор стал каким-то совсем уж большим и высоким... и тёмным...

Прижимая к себе Медведя, Марина остановилась. Тяжёлые каменные плиты холодили ноги даже через любимые красные сандалики. Сквозняки шевелили банты на голове, как нервные неласковые пальцы. Глубокую тишину нарушали только приближающиеся звонкие шаги. Где-то за поворотом звенели о гранит подковки каблуков, позвякивали в такт шагам шпоры и брякали цепочки на ножнах.

Марина неуверенно оглянулась. Каменный коридор уходил в темноту. Она была одна, если не считать Медведя с перепачканной пирожным мордочкой.

– Принцесса, – мрачно сказал Кот-В-Сапогах, сухо щёлкнув шпорами. Он вытянулся перед ней, держа шляпу у груди. – Принцесса, вам срочное донесение.

– Что случилось? – онемевшими губами спросила Марина и вдруг заплакала. Слёзы потекли по щекам, размазывая тушь. (Почему у шестилетней девочки – она же ещё девочка! – накрашены глаза?) Нос набух и стал горячим. Марина нашарила платочек в кармане платья, – карман на животе, с вышитым мамой хитрым лисёнком... а у Ирки – весёлый гномик, как и просили обе сестры, – платочек пахнул мамиными любимыми духами..

Ей захотелось побежать назад, где куклы, эти розовые холёные дамы, наверное, всё ещё пили чай и рассказывали друг другу разные новости... и немного сплетничали про королевешну, чего уж там греха таить. Всё-таки Ирка уже училась в первом классе, а принцесса Маринка пойдёт в школу только в будущем году, до наступления которого осталось целых три часа...

– Донесение, – сказал Кот, вынувший из-за отворота перчатки свёрнутый вчетверо лист, запечатанный тяжёлым красным сургучом. Совсем таким, как на почте, где им запечатывают загадочные, обёрнутые белым холстом посылки.

«Сегодня рано утром двадцатилетний Ванечка-секретарь, которого Ирина наняла для форсу, увидел, как директор-королевишна лежит на полу своего кабинета. Ванечка по-бабьи всплеснул руками, рассыпав из папки «На подпись» все бумаги, закричал и трусливо побежал звать на помощь. В голове его вихрем кружились разные обрывки про такие интересные вещи, как «Искусственное Дыхание», «Массаж Сердца», «Положите Больного Так, Чтобы Его Ноги Были Выше Головы»...

Ванечка кричал и в томительно-сладком ужасе представлял себе, как он делает всё это с Красивой Стервой Королевишной Ириной, которая носила короткие юбки, гордясь своими длинными ногами...

И знаешь, принцесса, что самое интересное? Он сейчас жалеет, что не сделал всего этого! Потому что королевишна навсегда лежит под землёй».

Марина хотела вдохнуть и закричать. Наверное, так же, как Ванечка... тонко и испуганно... и побежать... обратно, к пушистикам... обратно...

...королевишна лежала на полу, а рядом заливался трелью её новенький коммуникатор, который чуть позже, – когда в приёмной уже хлопотали дяденьки-врачи, – в общей суматохе кто-то прикарманил...

Марина смотрела на подпись и никак не могла вдохнуть: «Твой навсегда – Грызмаг».

«Грызмаг – это всего лишь магазин на улице Грызунова, – устало возразила Марина. – Никому с нашего двора не хотелось бегать туда за хлебом, молоком и сметаной, брякая пустыми отмытыми бутылками... и мы прозвали магазин «Грызмагом». И – да! – Грызмаг был старым, злым и отвратительным королём ужасного королевства... и самой страшной после него в королевстве была Ведьма. Толстая красномордая Ведьма с облупленным лаком на грязных ногтях, зычным голосом и золотыми колечками на коротких пальцах. Но это было давно, Кот. «Это было давно и неправда», – говорила Ирка-королевишна, когда кто-то из нашей дворовой компании завирался».

«Принцесса, вам нужно знать, что...»

«Ах, храбрый офицер, начальник дворцовой стражи, умнейший господин-рыцарь Кот-В-Сапогах! Вы и сами-то всего-навсего умерший котёнок Барсик, над которым было пролито много слёз... и похороненный двумя сёстрами под старой сосной в городском парке. И воскресший в стране двух царственных сестёр... и растущий вместе с ними...»

– Ага, улицу Грызунова проехали, – сказала бабушка Валя, обернувшись к Марине с переднего сиденья. – Теперь направо или налево? А то я тут у вас в районе вечно путаюсь!

– Что? Ах, да... Налево на следующем перекрёстке, пожалуйста! Там потом направо... я покажу – где. Там ещё тополь был... искривленный такой... если жив ещё, конечно.

Марина стремительно врвалась в прошлое.

Глава 2. О том, как Марина вернулась в дом своего детства и какая это странная штука – память

Кривой тополь на перекрёстке был ещё жив. Весной, когда Марина приезжала на похороны старшей сестры, на нём только-только проклюнулись молодые, дерзкие, как юность, листочки. Тогда в воздухе остро пахло клейкой зеленью, которая в детстве пачкала руки, одежду, и даже носы, когда они с наслаждением вдыхали горьковатый аромат, забравшись на дерево. А сейчас листья уже побурели и сухо шелестели на холодном бесснежном ветру. Старый тополь казался скрюченным дряхлым стариком и навевал уныние.

Марина отперла дверь тяжёлым старомодным ключом. Это был запасной ключ Ирины, который она заказала давным-давно. Похоже, сестра им так и не пользовалась – он не приработался и натужно скрипел в замке. Ещё один, старый рабочий ключ с тяжёлым кожаным брелком на кольце, Марина перед отъездом оставила соседке Елене Алексеевне – присматривать за квартирой и вообще – на всякий случай. Мало ли что, – трубу какую прорвёт или мальчишки окно высадят. «Конечно присмотрю, Мариночка, – причитала пожилая, но ещё бойкая соседка. – Ну как же, я ведь ещё родителей ваших помню – Пётр Данилович и Мария Николаевна, покойнички, царствие им небесное. А тут Ирочка... вот уж несчастье, молодая совсем... Ты приезжай, Мариночка, приезжай почаще! Квартиру-то наверное продавать придётся. Ты ж одна наследница-то у Ирочки! Прямая наследница!» – и эти причитания казались совсем неискренними.

Впрочем, Марина не раз ловила себя на мысли о том, что женщине, потерявшей всех ближайших родственников, любое сочувствие кажется недостаточным. Из-под траурного платка причитающей соседки, внезапно, по-белчьи остро, сверкнул тёмный глаз, мгновенно оглядевший книжные полки, старые умолкшие часы, всё ещё висевшие на стене, и на секунду остановившийся на резной шкатулке, смутно видневшейся за стеклом серванта. Марина тогда ещё хотела сказать, что в этой шкатулке лежит старенькая дешёвая бижутерия, но промолчала.

Нет, не смогла Марина оставить себе тот старый ключ, брелок к которому впитал запах Иркиных духов от соседства с перчатками и носовыми платками в сумочке! И вот сейчас, отпирая дверь, Марина думала сразу о нескольких вещах. О том, почему Ирина, при своих немалых доходах, так и не поставила в квартиру новомодную железную дверь с супер-замком. Неужели она не боялась взломщиков? О том, что надо бы предупредить соседку о своём приезде (запаникует старушка, если услышит шаги в квартире), о том, что не догадалась ничего купить в Грызмаге (холодильник давно пуст и отключен).

Надо же, сколько разных ва-а-ажных мыслей одновременно может крутиться в голове у одинокой женщины!

Марина, усмехнувшись, щёлкнула выключателем – вспыхнул свет. Коридор, казавшийся таким длинным и широким в детстве, сейчас предстал перед ней тесным и душным. Нет, на самом деле душно! Соседка явно не утруждала себя регулярным проветриванием квартиры. Марина скинула сапожки, прошлёпала по коридору и открыла форточки в обеих комнатах и на кухне. От сквозняка занавески дружелюбно зашевелились, на долю секунды вызвав воспоминание о длинных флагах, свисающих с высоких каменных стен... еле слышно шуршали тяжёлые, расшитые золотом стяги... и гнетущее беспокойство отступило. Наверное. Пока.

Но двусмысленная тишина затаилась за углами...

– Конечно, что может измениться в нежилой двухкомнатной квартире за полгода? – Марина почему-то заговорила сама с собой вслух. – Вот сейчас мы всё проветрим, пылюку вытрём, пол помоем. И всё будет как прежде. Чайник поставим, заварочку заварим. Так... где тут у нас заварочка?

Она помнила, как этими же самыми словами, – «заварочку заварим», – встречала её, приехавшую на каникулы студентку, мать. Она бодро тащила Маринку в ванную, предварительно выдав ей три вида полотенец, «для рук, для головы и для тела», а сама уже летела на кухню, где уютно начинал петь на газу чайник, шуршал целлофан пакетиков с печеньем и хлопала дверца холодильника.

Да... теперь уж не будет как прежде. Марина присела на угловой кухонный диванчик и вдруг почувствовала, насколько она устала.

«Процедура вступления в право наследования» – эта фраза пугала Марину всю последнюю неделю, пока она оформляла отпуск на работе, собирала вещи в дорогу... и объяснялась с мужем.

– Ты, Марина, особо не тяни. Оформляй всё на себя и сразу продавай. Квартиру, машину, долю Иркину... в фирме, – бубнил муж.

– У неё, думаю, нет доли. Она, вроде как, полностью хозяйка. Не знаю, как в таком случае поступают. Да-да-да, посоветуюсь с нотариусом. Да, на фирме тоже есть юрист, – почти машинально отвечала Марина, и ловила себя на том, что, на самом деле, она чересчур сосредоточенно размышляла о какой-то ерунде – есть ли у Ирины в доме фен для волос и плойка? И о том, какой у неё шампунь. Сестра носила гладкие длинные волосы, а у Марины – объёмная стрижка.

– Ты к Иркиному юристу не ходи – обманет.

– Мам, может, мне тоже с тобой поехать? – сын оторвал взгляд от компьютера. – Возьму с собой ноутбук, там и поработаю, а?

– Ну что ты, сынок! А вдруг у тебя здесь заказы появятся, а ты – уехал? Нет, я сама управлюсь. Работай уже как привык. Да и как же я к её юристу-то не пойду? – говорила Марина, обращаясь к мужу и автоматически, продолжая думать на каком-то глубинном, втором или третьем уровне, всё-таки принимая решение уложить в сумку фен. – Всё равно, нужные файлы и бумаги – у юриста, или у Иркиного зама. Ладно, как-нибудь на месте разберусь...

И вот сейчас Марина сидела на кухне в квартире родителей... ставшей позже «квартирой совместного наследования», её и старшей сестры... а теперь уже в её полностью собственной кухне... и думала о чём угодно, только не о важном. Удивительная Ирина – ремонт в квартире на евроуровне, а мебель почти вся старая, ещё родительская! Как только они уцелели, не развалились за столько лет – этот старый шифоньер в спальне и сервант в большой комнате? Рядом с современным компьютерным столом с изящным плоским монитором, рядом с плазменным телевизором на стене – они выглядели нелепо, как...

... как рыцарские доспехи в подъезде пятиэтажной хрущёвки...

... как только и может сегодня выглядеть древняя мебель начала шестидесятых!

Прошлый свой приезд сюда Марина почти не запомнила: всё прошло в тумане – настолько неожиданной и странной оказалась смерть Ирины. Впрочем, Марине и сейчас не верилось, что сестра не носится сейчас где-то по городу, понукая водителя машины, неповоротливого, вечно улыбающегося Очередного Мужчину. Однако, если разобраться, в последние год-полтора Ирина сама сидела за рулём...

Сорваться с работы на неделю: похороны, поминки, формальности, суета, какие-то лица, бумаги, подписи, телефонные номера, снова лица... звонки с Мариной работы, где, как на грех, мгновенно начало лихорадить всю контору... нет, горевать было некогда. И только по дороге домой, слушая мерный стук вагонных колёс, втихомолку прослезившись ночью на

верхней полке, Марина вспомнила сухой голос: «Марина Петровна! Вы обязательно должны по истечении полугода приехать и вступить в права наследования на имущество Ирины Петровны».

В последний раз сёстры виделись вроде бы не так уж и давно... а на самом деле – даже и подумать теперь страшно. Когда же это было? А здесь и думать долго не надо – по осени, до Нового года встречались. Родители умерли в январе с разницей в год. Первой мама – изношенное сердце королевы не выдержало. А через год почти день в день – не проснулся поутру папа. Врачи сказали: тромб в каком-то очень важном сосуде. А сёстры решили – от тоски. Очень тосковал Пётр Данилович, король-отец без своей строгой, решительной богини. Богини-королевы-матери.

С тех пор Марина иногда приезжала к Ирине на годовщину свадьбы родителей, которую они отмечали в один из дней октября. Не смерти, не рождения – они отмечали именно день свадьбы! Решение пришло к ним как-то незаметно, без споров и рассуждений. Оно словно было где-то рядом все эти годы, когда царствующая семья ещё здравствовала, беспокоясь о своих детях и неся на плечах тяжелое бремя повседневной жизни. Сёстры виделись не каждый год, но, на то и изобретены телефон и сотовая связь! – семья была в курсе основных событий жизни друг друга. А всё остальное, всякие бытовые мелочи – Господи, это не так уж и важно! – в конце концов, у каждой своя жизнь, свои радости!.. и только горе было общим.

В ту – последнюю – встречу они с Ириной сидели на кухне и пили горячий чай с баранками – всё, как в детстве. Вот только отец предпочитал повесить баранки на электрический самовар, словно связку золотисто-бежевых орденов на грудь блистательного серебряного генерала. Это всегда казалось сёстрам неуместным, ведь самовар был и сам по себе красавцем. По нему сохли все заварочные девочки-чайнички в округе и хвастливые «баранкины награды» ему совсем не шли. Поэтому вместе с Ириной они тайком снимали «ожерелье» с груди генерала, разрезали верёвочку и аккуратно сваливали баранки в большую стеклянную салатницу. Как там она звалась? Ах, да... графиня Баранкина... в дни праздников – Салатная Дама.

– Слышь, Маринка? Помнишь, как мы жили в волшебном королевстве и были в нём принцессами-сорвиголовками? А мама и папа...

– А мама и папа были там королём и королевой, – рассеянно сказала Марина, прикидывая, на какой автобус ей удобнее всего сесть, чтобы вовремя приехать на вокзал.

– Богиня-королева-мать и король-отец, Усталый Рыцарь, – Ирина, прищурившись, смотрела на младшую сестру. Ох уж этот строгий «Взгляд Взрослой Сестры!»! Да-да, «я старше и лучше знаю, что к чему!» говорила одна из персонажей книги «Алиса в стране чудес». Когда-то этот взгляд воспринимался Мариной... Маринкой... как нечто непреложное, такое же естественное, как солнце и луна, как смена дня и ночи. И такое же неизменное и вечное, как торжественное и абсолютно непонятное звание, – они учили его наизусть в школе, – и за которое Ирка когда-то сходу получила пятёрку, отчеканив без запинки: «Председатель Президиума Верховного Совета, Генеральный секретарь Коммунистической партии Союза Советских Социалистических республик, маршал Советского Союза Леонид Ильич Брежнев!».

– Ирка, перестань! – невольно усмехнувшись, махнула рукой Марина. – Я уже и думать забыла про наши фантазии. Тяжёлое детство, деревянные игрушки... лучше скажи, когда ты у меня замуж выйдешь? Что, дождёшься пенсии и старичка-подполковника?

– В загробном мире я замуж выйду, – мрачно пошутила сестра и отвела взгляд. Она помолчала и тихо сказала. – У тебя быт, а у меня – бизнес. Не до замужества мне... пока. А детей – поздно уже рожать. Ты, вот, вовремя подсуежилась, а мне теперь... мне как-то даже и не хочется с подгузниками возиться.

– Ой, да брось, Иринка, брось! Ты ж у нас видная дама – ноги от ушей, фигура, волосы, вся из себя стильная, квартира и фирма свои есть! Сама знаешь, у таких королев мужчинами просто автоматически пол выстилается! Сами кидаются и сами сердце к туфелькам складывают!

– Ага... – сказала Ирина и отвернулась. Она молчала, когда Маринка уже собралась сказать какую-нибудь приличествующую случаю глупость, ну, что-то, вроде: «Да они сами не знают, какое сокровище теряют!» – или «Ну и наплюй на них с высокой башни – они тебя недостойны!». Но эти неискренние сочувствующие фразы были чересчур фальшивыми... и она, Марина, это знала...

...другой такой, как её сестра, не было ... и не будет. А дети... что дети? В наше время, были бы деньги, в пятьдесят родить и выпестовать можно!

– Мы... ну, мы... так, встречаемся мы с ним, – сказала королева Ирина. – Время от времени. У него на квартире, у него на даче...

– погоди, почему же не у тебя? – Марина удивлённо взглянула на сестру. – Ты же одна живёшь!

– Сюда я никого не вожу, – сухо, как показалось Марине, сказала сестра, положив ухоженные руки на стол. Тонкие пальцы нервно теребили серебряную ложку, вынутую из сахарницы. – Нечего им тут... и ему тоже. И вообще, неужели счастье именно в мужьях?

– Да уж, – Марина вспомнила свою семейную жизнь и вздохнула. – Мы с моим благоверным вроде и мирно живём, и дети есть, а всё равно в последнее время, как чужие ...

И что же ответила ей Ирина?

– Я не помню, растерянно пробормотала Марина. – Вот чёрт! Не помню, совсем!

Она выключила пронзительно засвистевший чайник, залила заварку крутым кипятком, достала чашку со смешным цыплёнком на боку. Ей вдруг вспомнилось, как однажды, вскоре похорон отца, они с Иринкой, тогда уже длинноногие дамочки, привлекавшие взгляды парней, но в тот день просто зарёванные и испуганные девчонки, одинаково подавленные смертью родителей, – вспоминали о детских фантазиях.

Что-то пронзительно взрослое... настоящее...

Что? Что?!

Марина так и не нашла ответа. Что-то промелькнуло слабой тенью и снова исчезло... нет, не помню.

Она нашла тряпочку для протирания пыли там, где она и должна была быть – под раковиной в ванной. Аккуратно сложенной и сухой до невозможности... не востребованной до слёз. Марина сердито тряхнула головой. Нечего реветь, глядя на давно неиспользованную тряпочку, со стороны кто увидел бы – удивился.

Уж что-что, а ненависть к пыли передалась им с Ириной, видимо, по наследству. «Девочки! – говорила им мать. – Если к вам неожиданно нагрянут гости, помните, что только безумная дамочка полезет под кровать, чтобы проверить, что там у вас валяется. Запихивайте всё в шкаф с глаз долой и быстро протрите то, что находится на уровне носа. Пыль на видном месте и нечищенная сантехника – раковина, ванна и унитаз – аукнутся вам в сплетнях. Всё остальное – никто просто не заметит!»

– Золотые слова, – пробормотала Марина. Она начала обход квартиры, протирая влажной тряпочкой всё, что было на виду. Когда-то вдвоём с Ириной они мгновенно превращали эту почти ежедневную процедуру в игру. Пыльные пространства были полчищами отвратительных микробов Грызмага. Они наступали по всему фронту, коварно завоёвывая всё новые и новые территории. Они захватывали таинственные поля книжных полок, сверкающие ледяные плафоны люстры (на самом деле это были заснеженные вершины гор; их надо было штурмовать

с помощью заслуженной старушки-стремянки), оргстекло необъятного письменного стола, за которым две смелые воительницы делали вдвоём уроки по вечерам.

Игра – это слово казалось Марине ключевым. Две сестры с талантливым воображением, представлявшим себе целый мир и правящих в этом мире своим игрушечным государством. Воображение превращало люстру в вершины Гималаев, кладовку – в пещеру древних сокровищ, коридор – в балльный зал, а папу и маму в волшебных правителей.

– Воображение, – сказала самой себе Марина, мельком взглянув в большое зеркало, висевшее на стене. – Это просто воображение маленьких деток. Иногда оно бывает чересчур живым... и это может пугать ребёнка...

Но неужели всё дело только в воображении? Неужели картины игр детства – самые яркие и самые светлые мгновения жизни – неужели это только воспоминания? Нечто вроде альбома с чёрно-белыми фотографиями институтских лет? «Это я в общежитии, это Машка, это Мишка, это Валерка и все мы, студенты первого курса, на первомайской демонстрации», – а за тончайшим гляncем бумаги улыбаются полузабытые смазанные движением лица. И уже не вспомнишь, кто это там держит тебя под руку. Не то со старшего курса приبلудился, не то вообще с другого факультета... и кто он, и почему жмётся именно к тебе, и как сложилось, что не появлялся он больше на твоём пути, такой улыбчивый, с бакенбардами на юношеском лице по моде тогдашней весёлой весны?..

И вдруг ярко вспоминаются красные флаги, хлопающие на прохладном ветру, рыжие кудри соседки по общежитию, притащившей вечером целый куль картошки, которую жарили всей дружной компанией, платье с рукавами в оборочках, так восхитившее ухажера – будущего мужа.

Странная штука эта память. Она упрямо старается втолковать тебе, что звон мечей на турнире в яркий летний день, алое великолепие мантии и тяжесть изящной короны на голове – это просто детское воображение. А будущий муж, разорившийся со стипендии на одиннадцать хризантем – это истинное воспоминание. Что полёты эльфов в лунную ночь и нежное пение морских красавиц – это неправда, а самая, что ни на есть, правда – это слёзы ужаса ночью, в подвале... Что Грызماغ – это просто большой универсальный магазин. Магазин, а не ужас и кошмар, неотступно следующий где-то совсем рядом, – всегда и везде, в каждой твоей минуте, какой бы счастливой не была твоя бесхитростная женская судьба...

Марину словно ударило током. Надо же, она почти никогда не вспоминала о той страшной ночи, о Грызмаге, как вдруг нахлынуло... да так ярко! Почему?..

Ах, вот оно что! Вот и причина...

Марина присела у старого комода и потянула за плетёную самодельную верёвочку, яркой петелькой выглядывающей из-за короткой пузатенькой ножки. Тренькнув по половице, выкатилась пыльная жестяная крышка, подвешенная на эту верёвочку. Марина стёрла с крышки пыль и присела в кресло. «Откуда она взялась, – подумала недоумённо, – неужто столько времени под комодом провалялась? Как-то странно это...» Крышка, как крышка. Самая обычная, из тех, что хозяйки кипятят в кастрюлях, а потом закатывают по осени этими крышками банки с грибами, соленьями, вареньями и прочими запасами на долгую зиму. Только эту крышку так и не использовали по назначению. В ней проделали гвоздиком дырочку, продели в неё колечко из медной проволоки, а сквозь колечко – сплетённую Ириной верёвочку из маминых ниток...

...А потом Ирина старательно выцарапала на блестящей поверхности папиным циркулем: «Медаль ЗА АТВАГУ!» и разукрасила поля крышки цветочками и лавровыми листиками, взяв за образец виньетку из какой-то книги.

– Папа улыбался и говорил, что звучит отчаянно смело – А-А-АТВАГА! И просто необходимо написать об этом в Академию Наук, чтобы старенькие профессора переправили в словарях это слово... – улыбаясь, тихо сказала Марина.

Глава 3. О том, за что вручают «Медали ЗА А-А-АТВАГУ!» и что произошло в подвалах Грызмага

Медаль за свою А-А-АТВАГУ маленькая Маринка получила после окончания первого класса. Ирина уже закончила второй и готовилась к тому, что по весне будущего года её примут в пионеры, а это – уже почти что аттестат зрелости для девчонки девяти лет. Маринка же наконец-то избавилась от звания «первоклашка» и гордо несла на себе груз славы опытной восьмилетней ученицы, имея долгожданную возможность свысока поглядывать на малышню, которая осенью только-только пойдёт в школу.

В августе королевшина Ирина перекупалась на городском пляже.

– Ну, надо же, – с досадой сказала мать. – Это только Ирина у нас может такой фокус отчебучить! Летом – зверски простудиться! Говорила я тебе, не сиди в воде подолгу, так нет же. А на что ей мамины советы? У самой ума – палата, не надо жемчуга и злата.

У мамы поговорки сыпались горохом, а уж в данном конкретном случае она использовала самые язвительные. Кругом сама виноватая Королевишна гордо молчала, шмыгая носом и яростно сморкаясь в платок. Марине было велено завтра с утра следить за тем, чтобы Ирка не выскакивала из постели, пила аспирин по графику, дула чай с малиновым вареньем и обязательно передела пижаму, когда основательно пропотеет.

Завтра маме надо было бежать на работу, папа приезжал из московской командировки только послезавтра вечером, а Марине следовало с самого утра сбежать в магазин на улице Грызунова, занять в семь утра очередь, чтобы в восемь купить тридцать штук крышек для закатывания. «Надо же, крышки в Грызмаге завтра выбросят, – говорила накануне соседка. – Представляешь? На складе уже. Я сунулась было, да моя знакомая там уже не работает, теперь уже не закажешь заранее, как раньше. Говорят, по тридцать штук, по одной «колбаске» в руки давать будут. Бери дочерей, как раз три «колбаски» возьмёшь!» «Да мне столько не надо, – отмахивалась мать, – куда мне? Мне и тридцати штук за глаза хватает».

И то верно, банки у мамы большие, пятилитровые, тащишь такую банку из холодильника, пыhtiшь, прижав к груди, а то очень уж тяжёлая. А в холодильник они все не помещаются, поэтому папа относит их в подвал, где у каждой квартиры есть своя деревянная клетушка. В подвале всегда холодно, даже жарким летом, но взрослые жалуются друг другу, что прорастает картошка и время от времени лопаются банки с забродившими вареньями. А в соседнем подъезде у одного дяденьки лопнула какая-то «брага» – невкусная, должно быть, вещь, потому что соседи жаловались, мол, он теперь весь подвал «провонял».

В общем-то, ничего сложного не было. Занять очередь, попрыгать часок в классики у крыльца Грызмага, не забывать приглядывать за той женщиной, за которой занимала, а потом влиться с толпой в зал с колоннами. Выбить в кассе чек и у прилавка получить у толстой Ведьмы завернутую в промасленную бумагу «колбаску» крышек, и бежать домой, следить за больной сестрой. Можно командовать и распоряжаться, ведь полномочия на «старшую в доме» она получила от самой богини-королевы. То-то завтра похихикают пушистики, полюбовавшись на сопливую Королевишну!

Толпа у магазина была довольно большая. Классики, нарисованные недавно неподалёку от крыльца, заняла толпа. Не выпавшиеся взрослые тётки почему-то уже ругались визгливыми голосами. Похоже, выясняли, кто первым очередь занял – обычное дело! Стоять было скучно, да и день, похоже, обещал быть жарким, несмотря на то, что утренняя прохлада пока не уступала позиции. Маринке повезло, её окликнула соседская баба Лена, которая стояла в первых рядах. Тётки и бабки вокруг начали, было, ворчать, но баба Лена пристыдила их и ловко соврала, что Марина принесла ей деньги, как они, мол, с Маринкой вчера и договаривались.

«По-соседски, – сказала баба Лена, – по-дружески. А то мне до пенсии ещё три дня, вот Маринкина мама мне пятьдесят копеек и одолжила. Молодец!»

В очереди откликнулись, в том смысле, что – да! – молодец Маринкина мама, не пожадничала денег для старушки. В общем, пронесло. Маринка честно отдала бабе Лене пятьдесят копеек монеткой. На монетке был изображен Ленин, стоящий на какой-то бочечке с поднятой кверху рукой, совсем, как на памятнике у вокзала. А потом, переминаясь с ноги на ногу у самой витрины и со скуки разглядывая банки «Килька в томате», выставленные пирамидой, Маринка почувствовала, как шершавая тёплая бабушкина ладонь тихонько сунула ей монетку обратно в руку, а потом ласково потрепала за ухо. На душе сразу стало хорошо... даже непонятно почему, ведь Маринка всё равно влезла в очередь нечестно. Однако в восемь лет так легко отмахнуться от неприятных мыслей! Маринка пристроилась к холодным железным перилам, ограждавшим витрину снаружи Грызмага, думая, что если толпа и шарахнется в её сторону, то всегда можно быстро пролезть за перила и встать между ними и стеклом.

Вот и словила ворон бедная Маринка, зазевалась, замечталась... толкнули её у самой кассы и рассыпала она все деньги, которые зажала в кулаке. Кое-как, уворачиваясь от толстых и худых ног в самой разнообразной женской и старушечьей обуви, собрала она с помощью Бабы Лены почти всю мелочь.

– Ну, вот и славненько, – сказала запыхавшаяся баба Лена. – Давай скорее, отбивай чек!

В очереди вдруг зашумели и заорали незнакомые бабки и тётки... их-то с бабой Леной очередь прошла давно. В магазине волновалась и напирала огромная толпа. Хорошо, хоть, стояли неплотно, можно было протолкнуться, да только всё равно растащило маленькую Маринку и щуплую бабу Лену в разные стороны. Оказалось, что два соседних отдела тоже начали выдавать крышки, вот и ломанулись люди с улицы, перемешав все очереди, нарушая все договорённости и стремясь к двум работающим кассам.

– Мне за крышки! – пискнула Маринка, вывалив из потного кулачка все собранные с пола деньги в тарелочку высокой кассы. В начале учебного года ей приходилось вставлять на цыпочки, чтобы увидеть в тарелочке сдачу. Мама, посылая дочерей в магазин, старалась дать денег ровно, без сдачи, но иногда приходилось, пыхтя, выгребать монетки, торопясь от нетерпеливых взглядов очереди. Зато сейчас она подросла и уже не подпрыгивала перед кассой. Почти взрослая!

Надменная и противная Ведьма-кассирша, видневшаяся в высоком окошке, восседала где-то чуть ли не в облаках. Конечно, лучше было бы оказаться у другой кассы, где сидела красавица Зиночка, вечно путавшаяся в счёте, но куда теперь было протискиваться сквозь толпу?

– Не хватает, – равнодушно сказала Ведьма. – Пятьдесят копеек не хватает. Следующий!

– Как, не хватает? – пискнула Маринка, похолодев и машинально взяв деньги.

– Вот так! – ответила Ведьма. – Забирай свои гроши и пусти следующего.

– Ну, так отбейте ей крышки на все оставшиеся деньги, – предложила стоявшая за Маринкой худенькая женщина. – Пусть неполная «колбаска» будет, подумаетесь...

– Ты ещё поучи меня, давай – рявкнула мгновенно налившаяся багровой злостью Ведьма. – Может, вам ещё по одной крышечке продавать?! Умные все стали, уже плюнуть некуда в магазине – в образованную попадёшь!

В поднявшемся хоре ругани и криков Маринку отодвинули в сторону, чья-то сумка нечаянно съездила её по голове, а потом наступили на ногу. Маринка шарахнулась в сторону и хотела завизжать, что-то холодное и тёмное вдруг поднялось в её душе. Ей чудился палец, указующий на неё, ей слышался ледяной мерзкий голос: «Вот она, эта девчонка, которая теряет деньги и лезет без очереди в магазин! Она дерзко полагает, что кто-то будет распаковывать

аккуратные «колбаски» крышек, чтобы глупая Маринка смогла купить крышек на пятьдесят копеек меньше, чем приказала ей богиня-королева-мать!»

Даже в восемь лет Маринка понимала в глубине души, что всё это глупости, что надо проталкиваться ко второй кассе и слёзно просить красавицу Зину, что надо хотя бы отыскать в толпе кого-нибудь знакомого и разреветься, взывая о помощи...

Однако вокруг бушевала ссора. Одна тётка уже стукнула другую тётку «колбаской» по голове и та заорала толстым голосом. «Как пожарная сирена!» – говорил, бывало, отец, да только сейчас это было совсем не смешно.

– А мне, значит, по осени крышки не нужны, да?! У меня, значит, типа ни детей, ни хозяйства! – заорал кто-то над головой и толпа вдруг сгустилась. Маринка почувствовала, как в спину ей вдавилось чьё-то колено и закричала от боли.

– Ребёнка задавили! – взвизгнули рядом и толпа дернулась в другую сторону. Маринка сдавленно охнула... как вдруг колено, ужасно давнув напоследок, рывком переместилось куда-то в сторону, а сильные руки подхватили её и выдернули из толпы, несчастную и перепуганную, как маленькую редиску с грядки.

– Садись-ка мне на шею, – сказал молодой дяденька со светлыми голосами, не по-уральски загорелым лицом и голубыми глазами. Не дожидаясь Маринкиного согласия, он усадил Маринку, – её оттоптаный и грязный сандалий смазал по лицу незнакомой орущей тётки, – и протиснулся к крайней колонне. Там он поставил Маринку за прилавок, рядом с дверью «Служебное помещение», подмигнул и сказал:

– Стой здесь, красавица, а то задавят, как мышонка. Подожди немного, когда толпа рассоётся, а потом и уходи.

Наверное, он подумал, что Маринка пришла в магазин с кем-то из взрослых, а не сама по себе. Маринка хотела попросить дяденьку, чтобы он помог ей пробиться ко второй кассе, но тот уже пропал в толпе. Стоя в уголке, между колонной и стеной, где ни она не видела толпы, ни толпа её, Маринка немного поревела, потом достала из кармана шортиков оставшиеся деньги и тщательно пересчитала. Точно! Полтинника с Лениным не хватало!

«Ну, что же за растяпа ты, дочь!» – строго сказала мать где-то в голове.

«Зачем ты, принцесса-тетеря, деньги в кулаке-то держала?» – спросила Королевишна.

– Потому что... затем... чтобы не украли, – пробормотала Маринка и села на корточки, прислонившись спиной к колонне. Что делать, она не знала.

– Не толпитесь, на всех всё равно не хватит! – злорадно орала Ведьма из своей противной стеклянной будочки кассы. Граждане покупатели отвечали гулом и явственно слышимыми ругательствами.

Посидев немного и вдоволь наслушавшись обрывков раздражённых и злых разговоров, бедная «тетеря» осторожно выглянула из своего убежища. Толпа стояла плотно. На прилавке над головой Маринки растопырилось несколько пустых хозяйственных сумок, которые пристроили туда женщины из очереди.

Заглянув под прилавок, Маринка увидела стоптанные туфли, какие-то кривые ботинки и красные кеды, надетые на толстые шерстяные носки, а не на тонкий носок. На тонкий – это неправильно! Именно так говорила мама – кеды надо надевать на шерстяной носок, который хорошо впитывает пот. Тайком они с Иркочкой ворчали, ведь, как известно, шерстяные носки такие кусачие! Но сам принцип, сама идея не вызывали у них сомнений. Не позавчера ли глупый Генка натёр свои глупые ножищи, надев на пляже кеды на босу ногу и играя в глупый футбол? Богиня-королева-мать была мудра и знала обо всём на свете... хотя, что такое «ноги вспотели» Маринка в свои восемь лет представляла смутно. Генка, к примеру, набрал полные кеды песка... да и по воде в кедах носился... наверное, если бы он обладал шерстяными вязаными носками, то ни песок, ни вода не попали бы ему на пятки?

В думах о носках и стёртых ногах, забыв обо всём, Маринка нагнулась пониже к полу, чтобы рассмотреть кеды. Она ещё успела удивиться тому, что над отворотами носков колыхался край тёмной старушечьей юбки, как вдруг толпа в очередной раз взволновалась, загудела, зашаркала ногами, и... из-под прилавка вылетел подопнутый кем-то тот самый полтинник! Пятьдесят копеек! Монетка с Лениным, указывающим народу путь!

Маринка накрыла его рукой, не веря своему счастью.

– Зина, Валя! За крышки больше не отбивать! – перекрыл общий гул неприятный, резкий, как напильник, голос. Толпа, как показалось вздрогнувшей Маринке, взвыла.

– Нету больше крышек, граждане, не занимайте очередь! Вот завтра если привезут – приходите! – гнул своё голос-напильник.

Вот тебе и здрастье! Только-только жизнь стала налаживаться.

Положение было сложное. Прямо скажем, совсем критическим было положение. Мама придёт с работы, а дочь-растяпа, принцесса-тетеря молча выложит ей деньги и начнёт рассказывать свою горестную историю, ревя, как корова. А богиня-королева-мать у нас строгая! Лупить, конечно, не будет, но посмотрит, как огнём обожжёт, а потом сухо скажет: «Ну что же, как-нибудь без варенья зимой посидим». Ужас!

И почему Маринке только восемь лет, а не восемнадцать... или, скажем, восемьдесят? Она подошла бы к кассе, где съежилась проклятая Ведьма. Подошла бы, звякая шпорами на сапогах и сдвинув на лоб широкополую шляпу, а потом достала бы мушкетёрскую шпагу и ка-а-ак шмякнула бы по окошку! Пробивай чек, страшная ведьма, а то проколю насквозь! А потом к прилавку – ну-с, где «колбаска» крышек, тётенька? Что? Не слышу! Что вы там бормочете? Ах под прилавком? Все говорят, что под прилавком вы самое дефицитное здесь, в Грызмаге прячете! Быстро шевелитесь, что там у вас, нога за ногу запинается?.. И зубы! Зубы не забудьте с Ириной на ночь почистить хорошенько, – учтите, я проверю!.. Ой, это, кажется, совсем из другой оперы... хи-хи!

Под прилавок, где топталась продавщица и скрывала дефицит, заглянуть не было никакой возможности. Вылезать из укрытия не хотелось. Никак не могла она прийти домой без крышек – ну, никак! «Так и буду сидеть здесь, пока не состарюсь?» – подумала Маринка и встала. Она решила пойти прямо к заведующей и честно рассказать ей про свою беду. Авось, заведующая, которую Маринка никогда не видела, разжалобившись, разрешит Маринкину проблему?

Она толкнула дверь, на которой ниже таблички «Служебное помещение» угрожающе висела другая: «Посторонним вход воспрещён!» и проскользнула в коридор, по всей длине которого виделись белые крашенные двери, совсем, как в поликлинике. И все они были без табличек, и все – абсолютно все – были заперты.

Маринка прошла по коридору, толкнув каждую дверь, и повернув направо, с бьющимся сердцем стала спускаться по широким ступеням вниз. Была ещё одна широкая дверь, показавшаяся Маринке огромной, как ворота. Судя по всему, она уже вела во двор. Со стороны двора Маринка не раз её видела. Иногда она была открыта, таинственно маня к себе распахнутыми створками, куда подъехавший грузовик почти упирался фургоном и куда грузчики в синих халатах таскали какие-то ящики. Во двор Маринке сейчас всё равно было нельзя выйти, двери-ворота наглухо заперты. Пришлось спускаться вниз, в подвал, где, наверное, магазин Грызмаг и хранил все свои тайные и явные сокровища...

Как ни странно, в подвале было светло. Где-то за углом бубнили голоса. Маринка постояла немного, раздумывая, не умнее ли будет вернуться назад, но потом упрямо мотнула головой и пошла вперёд. К её удивлению, за углом никого не было. Голоса не перестали бубнить и даже громче слышались, но понять, откуда они доносятся, было трудно. Маринку окружали крепкие деревянные стеллажи, заставленные коробками или просто пустые и пыльные. Немного походило на лабиринт, в глубине которого, возможно, прятался злой Минотавр. Во

всяком случае, сейчас в это верилось. Вполне возможно это он и бубнит. Минотавр и Минотавриха беседуют. За завтраком. Доедая холодец из ног... и ноги эти – в носках.

– Принцессы не боятся! – подбодрила Маринка сама себя и отправилась в путь.

Путь был недолгим. Здравомысленно рассудив, что лучше держаться ближе к каменной стене, чтобы не заплутать, Маринка прошла не так уж и далеко, как наткнулась на открытую дверь. Оказывается, в стене тоже были двери. Вторая виднелась неподалёку и, похоже, голоса доносились из-за неё. Ближняя, открытая дверь была более солидной, тяжёлой и толстой. Обходя её, Маринка подумала, что за дверью должна открыться комната, в которой, наверное, и сидит заведующая, охраняя народное добро, ждущее своего часа в подвале, однако увидела несколько ступенек, ведущих в комнату, в которой стояли более изящные металлические стеллажи. Коробки на полках здесь были другими, какими-то более красивыми, что ли. У противоположной стены из-за последнего виднелся краешек стола, заваленного папками. Под потолком темнело маленькое зарешечённое окошко, закрытое вместо стекла – вот глупость-то! – фанеркой.

Ну, точно, здесь и сидит тётенька заведующая, охраняя Самые Главные Сокровища. Наверное, деньги, которые со всей округи стекаются в Грызماغ. Маринка спустилась вниз и прошагала мимо стеллажей к столу. Рядом с ним возвышался большой коричневый шкаф. Судя по потертым углам, шкаф был сделан из железа – вот интересно как! Маринка, не удержавшись, тихонько постучала по закрытой дверце и та откликнулась сдержанным металлическим гулом.

У стола приткнулись два стула. Один, новенький, явно принадлежал хозяину или хозяйке стола. Вторым, потёртым, притулился сбоку, спинкой к шкафу. Маринка чинно уселась на него, решив дождаться своей судьбы. Быть того не может, чтобы, претерпев столько лишений и тревог, бесстрашно проделав путь, сражаясь с проклятым Минотавром и его рогатой женой, Маринка не вернулась домой с победой!

Посидев немного, она стала оглядываться. То, что она увидела прямо за своей спиной, было, как удар под дых. На полке дальнего стеллажа лежали с десяток «колбасок» проклятых крышек, приткнувшихся к коробке, на боку которой было написано: «Крышки для консервирования».

«Знаешь что, – прошептал в голове чей-то ехидный голос, – бери «колбаску», пиши записку, оставь деньги на столе и уходи! Если Грызмаговские подданные припрятали для себя эти крышки, то пусть им будет хуже. Видела, сколько сейчас людей толкались и ругались в зале? На всех на них, наверное, и не хватило бы, но тебе – повезло».

Голос был противенький, но вполне возможно, говорил правду. Маринка не собиралась воровать эти крышки, нет! Она просто принесёт их домой, честно заплатив. И забудет это ужасное утро. Мама на работе, папа в командировке, королевшна болеет. Теперь Маринка за старшую в доме и крышки она принесёт домой во что бы то ни стало!

Маринка ухватила маслянистую «колбаску», подошла к столу, вытащила из гранёного стакана, где торчали карандаши и стержни для шариковых ручек, толстую четырёхцветную ручку и растерянно оглядела стол. Какие-то толстые большие тетради в коричневых картонных обложках, папки для бумаг с белыми тесёмками, завязанными бантиками, непонятная железная штуковина с наклонным рычагом-рукояткой, на которую, судя по пружинкам под ней, нужно было давить... интересно, для чего она? Ну, и скучный перекидной календарь без картинок. Стояла ещё пыльная фарфоровая штуковина, которая называется ста-ту-эт-ка – красивая румяная девушка надевает коньки-фигурки.

На чём же теперь записку писать? Вырывать странички из тетрадок или листок из календаря нельзя – ругаться будут. Маринка оглянулась... ага! У одной из коробок в углу раслоилась и надорвалась стенка. Можно оторвать кусочек и на нём написать! Она радостно

подбежала к коробке, ухватила за краешек надорванной коробки и с треском оторвала разлохмаченный кусок. Пристроившись на краю стола, она старательно вывела красным стержнем: «Это за крышки», – потом подумала и добавила восклицательный знак. Придав картонку девушкой-конькобежкой, Маринка достала все свои капиталы и принялась пересчитывать, а то вдруг опять какая-нибудь монетка потерялась? Нехорошо, всё должно быть по-честному, как в Стране Пушистиков и как в хороших книжках про детей-пионеров.

Считая монетки, Маринка представляла себя героической разведчицей, обнаружившей Тайный План и теперь намеревающейся передать эти бесценные сведения красным. Ну, прямо, как в кино «Армия Трясогузки»! Поэтому, когда у двери раздались голоса, она оставила монеты и две бумажных денежки на столе, тихо сползла со стула и отступила назад, прячась за стеллажом. Разведчицы должны быть очень осторожны! Они делают свои героические поступки, оставаясь невидимыми для всех. Заведующая посмотрит на деньги и на записку и страшно-страшно удивится, а может и завопит, как белогвардейский офицер в кино! Вот бы ещё приписать внизу «Армия Трясогузки снова в бою!» – да к стыду своему можно орфографических ошибок в два счёта наделать.

В глубине души Маринка понимала, несмотря на то, что она и оставила деньги, всё равно поступок её выглядит крайне подозрительно и даже некрасиво. Однако сдаваться храбрая красная разведчица не собиралась. Жаль, нельзя было ползти по-пластунски по пыльному бетонному полу, как настоящие герои – всё-таки на Маринке надеты красивые шорты и синяя рубашка с нагрудными карманами, у которых есть клапаны на пуговичках, как у пионеров. И в одном кармане – платок, как и полагается взрослой школьнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.